

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8
3-13

Завада, Марина Романовна.

3-13

Цвет и тени Беллы Ахмадулиной : первая полная биография / Марина Завада, Юрий Куликов. — Москва : Завада М., 2023. — 928 с. : ил.

ISBN 978-5-600-03397-9

Белла Ахмадулина — поэт, который улавливал небесные звуки редкой частоты и чистоты. И при этом не напускал туману: не помню, как написались стихотворение — в стихах почти всегда был конкретный посыл пространства. Было и другое: стихи возникали «в связи с резкими страданиями мозга».

Погружаться в биографию Ахмадулиной — истинное приключение. Итальянский предок добрался до России. Зачем? Есть разные варианты ответа. Два ее родственника похоронены в Кремлевской стене, около Мавзолея, сама же она не могла и слышать имени Ленина. Мать жила в Кремле, служила в органах и, вероятно, каким-то чудом спасла от репрессий снятого со всех постов мужа. После войны работала в ООН, в совершенстве знала несколько языков, однако дочери эта страсть не передавалась. Зато Белла радовалась смешению в себе «разноцветных кровей», считала это шепоткой специй в своей натуре.

В Литинституте за право взять ее в семинар конкурировали преподаватели, но она Литинститут не любила. Так же как не любила, когда ее называли шестидесятицей. До конца жизни неплохо относилась к первому мужу — Евтушенко, чего не скажешь о втором, Нагибине, которому все же была признательна за то, что «создал и обновил мой облик», и в чьем доме пронеслась шаровой молнией. Потом был незаметный третий муж Кулиев и заметный (вплоть до попытки затмить) четвертый — Мессерер.

Первую критику в прессе сочла за полезный антипиар, хотя тогда, в пятидесятые, и слова такого не слышала. Критики было много, меж тем, как ни странно, однажды ее пригласили выступить на заседании Идеологической комиссии ЦК КПСС. И это не партийного функционера — ее речь прерывали «бурные продолжительные аплодисменты».

Так и не решившись по приглашению Бориса Пастернака прийти к нему на дачу, она через несколько лет стала своей в этом доме.

В Тбилиси Ахмадулину всегда сопровождала верная свита «беллагвардейцев». Услышав ее чтение в духане, незнакомые мужчины встали и запели старинную песню «Мравалжамиер». Там же, в Грузии, она запустила туплей в поэта, поднявшего тост за Сталина... Когда власти республики предложили участок земли на Черном море, искренне удивилась: «Зачем мне часть Грузии, если она вся принадлежит мне?» Не замарала себя никаким владением: презирала корыстолюбцев. А помогала многим, защищала Бродского, Владимова, Войновича, Аксенова, Сахарова...

Она бывала счастлива, но одну из самых метких психологических характеристик ей дала пожилая тетя Дюня из северной деревни: «Ой, Беля, ты сильной убиваешься, чем живешь». Но есть и иная правда — в ее письме другу Владимиру Россельсу: «Не принимайте за мою беду мой искусственный преднамеренный поиск беды, идущий не дальше профессиональной выгоды».

Ну и важный ключ к книге: объяснять стихи — это, как говорила Марина Цветаева, мнить у своего слова силу большую, чем у поэта.

УДК 821.161.1.09
ББК 83.3(2Рос=Рус)6-8

ISBN 978-5-600-03397-9

© Марина Завада, Юрий Куликов, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Литературно-художественное издание

Завада Марина Романовна
Куликов Юрий Петрович

ЦВЕТ И ТЕНИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

ПЕРВАЯ ПОЛНАЯ БИОГРАФИЯ

Менеджер проекта *М. Назаренко*
Аккаунт-менеджер *Е. Загородникова*
Ответственный редактор *Е. Борисова*
Художественное оформление *А. Шуклин*
Компьютерная верстка *Р. Муртазин*
Корректор *Ю. Никитенко*

Страна происхождения: Российская Федерация
Шығарылған елі: Ресей Федерациясы

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Россия, город Москва, улица Зорге, дом 1, строение 1.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндіріші: «ЭКСМО» АҚБ Баспасы,
123308, Ресей, қала Мәскеу, Зорге көшесі, 1 үй, 1 ғимарат.
Тел.: 8 (495) 411-68-86.

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Дата изготовления / Подписано в печать 23.11.2022. Формат 84x108¹/₃₂.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 48,72 + вкл.

Тираж 2000 экз. Заказ

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

eksmo.ru

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

 [eksmo](#)

 [eksmo.ru](#)

В электронном виде книги издательства вы можете
купить на www.litres.ru

ЛитРес:
один клик до книг

ЧИТАЙ·ГОРОД

book 24.ru

Официальный
интернет-магазин
издательской группы
“ЭКСМО-АСТ”

16+

ISBN 978-5-600-03397-9

9 785600 033979 >

ЗАКЛИНАНИЕ

*Не плачьте обо мне — я проживу
счастливой нищей, доброй каторжанкой,
озябшею на севере южанкой,
чахоточной да злой петербуржанкой
на малярском юге проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
той хромоножкой, вышедшей на паперть,
тем пьяницей, поникнувшим на скатерть,
и этим, что малюет Божью Матерь,
убогим богомазом проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
той грамоте наученной девчонкой,
которая в грядущести нечёткой
мои стихи, моей рыжея чёлкой,
как дура будет знать. Я проживу.*

*Не плачьте обо мне — я проживу
сестры помилосердней милосердной,
в военной бесшабашности предсмертной,
да под звездой моею и пресветлой
уж как-нибудь, а всё ж я проживу.*

ГЛАВА 1.

«ДО-ЖИЗНЬ»

В конце восьмидесятых, как обычно в межсезонье, Ахмадулина приехала в Репино, в Дом творчества композиторов. Вообще, сам по себе новояз — «дом творчества» — вызывал у нее насмешку. В «Снегопаде» не совсем в гармонии с лирической приподнятостью текста назвала его даже «дикой кличкой». Но если к литературским домам относилась не слишком приязненно, то композиторскому Репину благоволила. Может, потому что тут ей писалось. Несколько лет подряд по два-три непогожих месяца проводила на берегу Финского залива.

Ей всегда было сложно сходу отойти от московской турбулентности, взбудораженности встреч, поздних божественных вечеринок, пылких общений с друзьями. Тишина в природе, непривычно размеренный распорядок дня не сразу вытесняли накопившуюся наэлектризованность. Душевного лада, равновесия, без которых никогда не могла сесть к столу, приходилось смиренно подождать. Но в этот раз что-то пошло не так... Ожидание затягивалось. Чем дольше не объявлялось вдохновение, тем сильнее Ахмадулина нервничала, сердилась, мрачнела. И — замкнутый круг — чем глубже погружалась в безнадежность, тем тотальней ощущала, что нет, не может работать. В такие минуты она с отчаянием хваталась за альтернативный способ спасения. Хотя о каком спасении речь, если день напролет готова была чудить с воспетым позднее (хвала альтернативе!) репинским разнорабочим Корытовым:

*С Корытовым нас коротко свело
родство и сходство наших рукоделий,*

*и без утайки, каждый про своё
мы толковали на задах котельной.*

В тогда еще Ленинграде Ахмадулину опекала ее близкий друг — Жанна Андреева, преподаватель словесности в педагогическом колледже. Она, собственно, и поведала нам про запойного Кобытова, про то, как ей никак не удавалось вывести Беллу из погруженности в черноту. На уговоры: «Белла Ахатовна, ну зачем вы себя разрушаете?», слышала угрюмое: «А что делать, когда не пишется? Только пить остается». При том что происходившее не зависело от количества выпитого. И выпито-то было чуть-чуть. Но проливалось оно на измученную почву.

К концу недели в полном смятении Жанна придумала. Попросила пять своих лучших учениц, которых непременно водила на все питерские ахмадулинские вечера, купить разноцветную охалку воздушных шаров, наполненных гелием. Вместе отправились в Репино. Жанна сошла в центре, а ученицы проехали на автобусе еще две остановки. Проинструктированные, они приблизительно знали, в какое время Ахмадулина выходит к заливу, и поклялись не проболтаться, кем сюда посланы. Когда уже затемно они вернулись к изнывающей от неизвестности Жанне Олеговне, вид у всех был виноватый, но — совершенно сияющий. Выяснилось, что Ахмадулина, увидев юную процессию с шарами, возликовала. Позвала смущенных девушек к себе, надарила подарков, и тут они раскололись. Правда, не до конца: «Жанна Олеговна, простите, мы не смогли скрыть, что ваши ученицы. Сказали: когда узнали от вас, что Ахмадулина в Репине, явились сюда сами, без вашего ведома». И не без хитрости: «Но мы ее так натурально просили, чтобы она нас вам не выдавала! Белла Ахатовна пообещала».

Летом 2010-го, умирая в Переделкине, Ахмадулина несколько раз вспоминала этот репинский день, загора-

лась и, обращаясь к Жанне, спрашивала: «Но вы же тем детям ничего не сделали?» То есть все-таки проговори-лась. Тогда, сразу — наутро — позвонив Жанне: «Вы можете приехать?». И — встретив: «Я прямо не знаю, как сказать. Только вы не ругайте их. Тут ваши девочки были. Они шли, и шары, и залив... Это какой-то Феллини».

Немота сдалась. Капитулировала перед впечатлением. Неужели это химия обожаемого Ахмадулиной Федерико Феллини? Вдруг всплывший перед глазами трогательный клоун с разрисованными шарами из «Сладкой жизни»? Чары музыки Нино Рота? Загадочная вещь — воображение художника. Но, в сущности, и без Феллини воздушные шары всегда волновали Ахмадулину. С детства. Намертво запомнила продавца шаров, стоявшего после войны перед Большим театром, куда ходила с бабушкой, назвала того продавца в предисловии к худлитовскому сборнику «Стихотворения» владельцем и укротителем грозди вожделенных своевольных сокровищ: «...во-он, упущенный мной (или отпущенный?), в синеве неба... <...> Безутешность потери и прибыль: счастье его, шара, свободы. Воздушные шары — до сих пор предмет моего обожания». И дальше: «...своевольная одушевленность стремится прочь, учит руки — не владеть, отпустить».

Рядом с прозвучавшим в шестидесятые чарующе неправильным и точным: «Я думала: как быстро я стою!» из «Озноба» (так формы неправильных английских глаголов на самом деле подчиняются не стихии, а логике) тоже шар, ускользающий, разматывающий ниточку с пальца. Речь вроде о неизлечимой болезни творчества, но не древняя ли «до-жизнь в колыбели», которую, как утверждала Ахмадулина, она не узнавала из книг, а будто вспоминала, оставила свои отпечатки?

В предгорьях Ломбардских Альп в маленьком Комо, недалеко от сверкающего озера, мы отыскивали улочку Ан-

тонио Стоппани, о которой лет семь назад у себя дома в Лозанне нам говорил Азарий Плисецкий. В 1998-м, взяв по случаю приезда Беллы «отгулы» в школе Мориса Бежара, он повез ее в короткое путешествие по Италии. К тому времени Ахмадулина уже не раз бывала в не чужой ей стране, однако Азарию нечаянно удалось сделать двоюродной невестке сюрприз. Серая табличка на углу: «VIA ANTONIO STOPPANI» обрадовала Беллу, и, смеющаяся, она снялась на ее фоне.

Ну что стоило Азарию тогда порасспросить Беллу! В семье все знали, что по материнской линии в ней течет (порой закипает!) итальянская кровь, что в девичестве бабушка Надежда Митрофановна носила фамилию Стопани, что в Москве, кажется, еще живы родственники с этой фамилией, но Белла с ними практически утратила связь. Написавшей в 1963 году «Мою родословную» и, как от Рождества Христова, отсчитывавшей свои итальянские хроники от зачем-то появившегося в российском селе шарманщика, что все-таки подлинно ей было известно — туда, вглубь, к более спутанным апеннинским корням? Кто ей этот чистокровный италиец Антонио Стоппани — куда более именитый, чем советский большевик-полукровка Александр Стопани, захороненный в Кремлевской стене, человек, которого в семейном кругу Белла по-домашнему называла дедушкой?

Вероятно, отыщи Белла с Азарием в беззаботном цейтноте поездки зазор, чтобы не торопясь порассуждать о разных Стопани, обнаружилось бы, что об этом — Антонио — они оба в лучшем случае имеют скудные сведения. Хотя... Троюродный брат Ахмадулиной, морской офицер Георгий Стопани — последний в России носитель фамилии (не считать же «оригинальной» Стопани его недолгую вторую жену Зайтуну) — изучал историю семьи и пришел к мысли, что русская ветвь отпочковалась от древ-

него итальянского рода, упоминавшегося еще в 1290 году. По его убеждению, крупный богослов и ученый Антонио Стоппани — один из представителей этой династии. Как бы ни оборвала Ахмадулина с середины семидесятых контакты с дальней родней, с Георгием, сильно поддержавшим ее после развода с Евтушенко, она встречалась. Так что о Гогиных изысканиях вполне могла быть наслышана.

В Комо из следов Антонио Стоппани мы обнаружили лишь название узкой улочки. Главные сосредоточены в Милане и его окрестностях: в курортном Лекко, где Антонио родился, ему поставлен памятник с надписью *Abate Antonio Stoppani*. Внушительным задником служат Бергамские Альпы. Неподалеку, в Эзино-Ларио, перед церковью *San Giovanni* — мемориальная доска. На ней, насколько мы сумели разобрать с помощью Google-переводчика, написано о научных заслугах Стоппани, хотя это не отменяет католической шапочки. Если повезет с гидом, в Миланском музее естественной истории (у фасада стоит еще один памятник Стоппани, последние девять лет жизни он по совместительству служил тут директором) вы услышите едва ли не панегирик неформатному духовному лицу, чьим именем в честь гляциологических заслуг назван ледник, сползающий с хребта Кордильера-Дарвин на Огненной Земле, а в знак признания палеонтологических — целых пять доисторических улиток. *Fedaiella fastosa Stoppani*. И еще четыре такие же фамильные старушечки. При желании на коллекцию можно взглянуть. Наградой за терпение станет литературно-гастрономический сюжет: воодушевленный научно-популярной книгой Стоппани о природе, географии и геологии Италии — *Bel Paese* («Прекрасная страна»), сыровар Эджилио Гальбани решил назвать *Bel Paese* созданный им в 1906 году полутвердый сыр, чья аутентичность до последнего времени подтверждалась изображением «сапожка» и портретом

Антонио Стоппани. Сам же триггер-бестселлер выдержал больше ста изданий и по продажам конкурировал с «Приключениями Пиноккио» Карло Коллоди...

Нам все больше нравился этот разносторонний священник и все сильнее хотелось, чтобы с Беллой его связывали какие-то нити. И здесь мы узнали про шары. Про тринадцать наполненных горячим воздухом шаров, которые взлетели в небо из осажденного австрийцами Милана. Это только что возведенный в сан молодой Антонио Стоппани сообразил, как наладить связь со сторонниками восставших, подтянуть силы к мятежному городу. Человек, об участии которого в исторических «Пяти днях Милана» с 1848 года не забывают соотечественники, был не просто патриотом — замечательным выдумщиком! Какие у Георгия Стоппани существовали основания для по-военному твердого вывода об общем генеалогическом древе, уже не спросишь — он умер за год до ухода Беллы. Но отчего не предположить, что есть некий потаенный генетический код, который, словно слабый мерцающий пульс, пробивается и нащупывается через столетия? По крайней мере, сама Ахмадулина в это верила. И процитированная «древняя до-жизнь» фигурирует не только в «Бабушке», в «Моей родословной» тоже. А коли так, не миланский ли след это ее про шары: «помешана была».

Дав преподобному Стоппани шанс быть как-то причастным к российской версии рода, потерявшего на наших просторах одну букву «п», логично заключить: Мария Монтессори — из того же гнезда. В русских источниках ее иногда называют племянницей Антонио, но, похоже, правы английские, и Мария ему great-niece — тоже племянница, но внучатая. В любом случае по матери, происходившей из старинных Стоппани, Антонио и смышленная девочка, с которой, бывая в доме, он охотно беседовал, — кровная родня (тут без вопросов). Сегодня мало кому

надо объяснять, каким большим человеком выросла эта племянница. Жена Тонино Гуэрры Лора припомнила, что до введения евро на банкноте в 1000 лир был напечатан крупный Мариин портрет. Ох уж эти итальянцы с их страстью изображать Стоппани на самых разных бумагах!

В штаб-квартире Теософского общества, расположенной на берегу Индийского океана вблизи Мадраса, нам показали марку, которая была выпущена в 1970 году — к столетию доктора Монтессори. Говорят, еще в нескольких странах существуют такие филателистические знаки признания, — не видели. Но на этой — с надписью на хинди — у Марии есть сходство с брахманкой. Полет фантазии местного художника? Или, приехав в Адыяр по приглашению Теософского общества и прожив на Востоке семь лет, открыв здесь свою школу, шлифуя получивший мировое признание «метод Монтессори», она и правда не могла не впитать особые индийские соки? Мощную культуру, побудившую английского индолога Артура Бэшема назвать монографию, ставшую для поколений настольной книгой, «Чудо, которым была Индия». Очевидно, «впитывающий разум» — едва ли не определяющая, по мнению Монтессори, особенность мышления маленьких детей, сохраняется у отмеченных Богом взрослых. Что до младенчества (этот период в последние годы Мария пристально и пристрастно изучала), то ее ученый вердикт об ошеломляющем потенциале раннего возраста созвучен очень личным ахмадулинским мыслям о нем.

В заброшенных, к сожалению, дневниках, которые в 1962-м, живя с Юрием Нагибиным в Красной Пахре, Белла, в чем-то подражая мужу, вела относительно регулярно и на которые среди кучи ее неразобранных бумаг мы натолкнулись в Российском государственном архиве литературы и искусства, она записала: «Только мое раннее детство близко и интересно мне: в нем я была то, что

теперь есть. Юность же вся ушла на менструации и на чтение плохой литературы. К своей и чужой юности я отношусь со скукой и брезгливо. Человек дважды живет в своем образе: в детстве и в зрелости». Пройдет больше полувека, и она скажет нам: «Первые мои годы я проживала в доме, где без конца арестовывали людей. А мне велели играть в песочек. Я не могла знать, не могла понимать, что происходит, но некий след во мне остался. Даже неграмотный, не очень тонкий слух ребенка многое улавливает. Я была беспечной, благополучной девочкой, однако ощущение зловещей сени несомненно присутствовало». Впитывающий разум, одно из таинственных проявлений гениальности раннего возраста? Не случайно у Ахматовой о Пастернаке: «Он награжден каким-то вечным детством». Уж Анна Андреевна понимала, на какой не поскупилась комплимент. Феномен младенческой одаренности вообще волновал больших поэтов. Не ради же автобиографической точности в «Людях и положениях» сам Пастернак с сердечным замиранием возвращается к вспышкам впечатлений младенчества, так (со значением) и озаглавив начальную главу: «Младенчество». И разве не гениальность в первую очередь имели в виду итальянцы, называя великого Тонино Гуэрру, поэта, художника, автора сотни сценариев к фильмам Феллини, Антониони, Де Сики, да всего иконостаса блистательного кинематографа неореализма, «главным ребенком Италии»? Естественно, Ахмадулина с ее всегдашней очарованностью чужим талантом, соприкоснувшись с Тонино в московской компании, сблизилась с ним, считавшим себя, между прочим, на протяжении лет Беллиным послом в Италии. И шутившим, что всегда мысленно поглаживает внутри себя тот факт, что ее прапрадед был Стоппани, итальянец...

До невидимки-прапрадеда мы еще доберемся, а вот насчет Марии Монтессори из плоти и крови, увы, нет

«окончательной бумажки», способной подтвердить или опровергнуть ее причастность какой-то коленкой к российским Стопани. И дело тут не в ней. А в отсутствии «бумажки» как раз у ахмадулинского прапрадеда. Уж больно неисповедимым путем он очутился в России. Впрочем, у Марии Монтессори существовала своя тайна. В ее молодости для девушки (даже из аристократических кругов) учеба на врача была несбыточна. Только эксклюзивные способности, вызывающая симпатию дерзость, ну и без связей семьи Монтессори-Стопани не обошлось (не забывайте про аббата Антонио), повлияли на высочайшее согласие папы Льва XIII. А дальше — занятия в медицинской школе Римского университета, работа в клинике, любовь, безоглядный роман и запрет матери коллеги на брак сына с женщиной-доктором, изучавшей в прозекторской голых, пусть и мертвых, мужчин. Внебрачного ребенка Мария отдала на воспитание, но, по-видимому испытывая вину, вернула себе. Вопреки «добродетельным» разнотолкам сын вырос другим, единомышленником, возглавившим Международную Монтессори-ассоциацию. И еще стал сатисфакцией! Ведь горечь привкуса, что в глазах чопорного католического общества при всей своей независимости она продолжает слыть согрешившей матерью-одиночкой, вполне вероятно, оставалась до поры «комплексом» незамужней Марии.

Прихотливая штука — ассоциативная связь. Когда зимой, уже погрузившись в работу над книгой, мы бродили по оранжевым, шуршащим дорожкам индийского Кхаджурахо, сквозь тишину раннего утра в ушах пробивалось не что-либо уместно-местное, а потрясающая ахмадулинская осанна любви из «Моей родословной»:

Ах, итальянка, девочка, пра-пра-прабабушка! Неправедны, да правы поправшие все правила добра, любви твоей проступки и забавы.

Как-то очень впопад было здесь это признание неоспоримой правоты любви. Здесь, в некогда заброшенной деревне центральной Индии, где сотни веков живет легенда о девушке знатного рода, которая, купаясь ночью в озере, встретила бога Луны. Родился мальчик, и чтобы спрятаться от сплетен, древнеиндийская мать-одиночка вырастила его в джунглях. Повзрослевшему сыну она явилась во сне и попросила восстановить ее честь. Тот исполнил материнскую волю — построил в Кхаджурахо восемьдесят пять изумительных храмов, посвященных любви. Многие индуистские святыни коробят приезжих пуристов полным отрицанием аскетизма, изображением майтхуны — любовных игр, откровенными эротическими сценами. Но такого безоглядного накала страсти, такой дерзости и раскованности каменных влюбленных, как в Кхаджурахо, пожалуй, не знает мировая скульптура.

Однажды в разговоре с Ахмадулиной упомянули, что несколько лет работали в Индии, зашла речь о Кхаджурахо, она с любопытством слушала, в конце проронила: «Жаль, я там уже не побываю». Огорчилась, что не увидит шедевры, над которыми под пылающим солнцем корпели старые мастера, шлифуя бесформенные камни? Не сказала... Но, хорошо помним, прозвучало: «Величие замысла». Прочитировала Бродского. В который раз поразила мгновенная точность реакции. Чуть позже пришло осознание: ею давно выношена та же гуманная мысль, что заложена в «концепции» храмов Кхаджурахо: любовь — законная она или нет — всегда прекрасна и безгреховна.

Раскручивая двухвековую авантюрную историю собственного прибытия на свет, Ахмадулина в «Родословной» игрива по отношению к главной виновнице последовавшей череды приключений. Прелестная девочка-итальянка, «два локотка, два крылышка прозрачных», готовая слететь навстречу любви с отчего крыльца,

невзирая на родительские тумачи, не вызывает у нее неодобрения: «...он — так глуп, так мил и так усат», а притворное опасение, что девушка целомудренно устоит: «И всё. Привет. Не быть мне ни-ко-гда», рассеявшись, сменяется дифирамбом:

*Благословляю в райском том саду
и дерева, и яблоки, и змия,
и ту беду, Бог весть в каком году,
и грешницу по имени Мария.*

*Да здравствует твой слабый, чистый след
И дальновидный подвиг той ошибки!*

Имя «Мария», полагаем, позаимствовано из Библии. Не у Марии же Монтессори. При том что в 1963-м, когда в СССР эта громкая педагогическая фамилия умышленно (чай, не Крупская) не упоминалась и была известна в самых узких кругах, Белла, не исключено, о ней слышала — нагибинский дом являл собой самый что ни на есть «узкий круг», могла даже отыскать в редчайшей библиотеке мужа ссылки на биографию Монтессори, цепко отреагировать на девичью фамилию ее матери: Стоппани. Всё это предположения. Как невозможно сегодня полностью верифицировать и то, что Белла, подобно ее любознательному троюродному брату Георгию, почерпнула из семейных преданий. Однако по большому счету не так уж важно совпадение имен и наличие «высокого живота» у обеих Марий, обеих — причастных к Стоппани. Главное, что Белла не прозевала вольный, как шары, фамильный ген. Весело отрекшись в «Родословной» от всякого ханжества:

*...а пред концом — воздам благодаренье
всем девочкам, летающим с крыльца,
всем людям, совершающим творенье.*

И правда, всем им спасибо! Но Марии за Ахмадулину — отдельное.